

В роскошное царствование лета
смерть поражает нас сильнее...

Ш. Бодлер. Искусственный рай

В курортном местечке А., расположенном у южной оконечности полуострова Идзу, отличные пляжи — чистые и немногочисленные. Тут, правда, неровное дно и слишком большие волны, но зато вода прозрачна, а песчаные отмели словно специально созданы для купания. Единственная причина, по которой здешнее побережье еще не заполнили толпы отдыхающих, как в соседнем районе Сонан, — это неудобство сообщения: до местечка от станции надо два часа трястись на автобусе.

Гостиница «Эйракусо» и принадлежащие ей коттеджи — чуть ли не единственное место, где можно остановиться в А. Сувенирных лавчонок с камышовыми крышами, которые летом так уродуют песчаные пляжи, здесь одна-две, не больше. Покрытый белым песком берег необычайно красив, а в самом его центре, нависнув над морем, возвышается заросшая соснами скала, до того причудливая, что кажется творением мастера садового искусства. Во время прилива скала до половины скрывается под водой.

Вид на море прекрасен. Когда задует западный ветер, унося прочь туманную дымку, как

на ладони видны далекие островки: Осима поближе, Тосима — подалее, а между ними крошечный треугольный конус Утонэсима. На юге, за дальним мысом Нанаго, виднеется еще один мыс — Сакаи, отрог того же горного массива, уходящий глубоко в морскую пучину; еще дальше выглядывают мыс Цумэки и мыс, именуемый Дворец Дракона Яцу, — по ночам с южной его точки по морю чертит круги луч маяка.

После обеда Томоко Икута легла подремать у себя в номере. Глядя на эту молодую женщину, свернувшуюся калачиком на кровати — из-под короткого бледно-розового платья высовывались круглые колени, — трудно было поверить, что это мать троих детей: пухлые руки, свежее личико, улыбчивый рот делали Томоко похожей на совсем юную девушку. Было жарко — на лбу и переносице спящей выступила испарина. Ровно жужжала муха, комната раскалилась от солнца, словно огромный медный колокол; ленивый безветренный день был в разгаре; плавно, в такт сонному дыханию колыхалась розовая ткань платья.

Почти все постояльцы гостиницы ушли на море. Номер Томоко находился на втором этаже. Прямо под окном стояли бело-синие качели, на просторном газоне были расставлены разноцветные стулья, столики; возле щита с кольшками на траве валялись брошенные кольца. В саду не было ни души, лишь изредка пролетали пчелы, но шум прибоя заглушал их тихое жужжание. Сразу за живой изгородью начиналась сос-

Смерть в середине лета

новая роща, потом шла полоса песка, за которой уже пенились морские волны. Под зданием гостиницы протекал ручей, перед впадением в море он разливался пошире, и после обеда туда выпускали гусей, которые хлопали по воде крыльями и хрипло гоготали.

Итак, у Томоко было трое детей: шестилетний Киёо, пятилетняя Кэйко и трехлетний Кацуо. Все трое отправились на пляж с Ясуэ, сестрой мужа Томоко. Молодая мать попросила безотказную золовку приглядеть за детьми, а сама решила немного поспать.

Ясуэ была старой девой. Когда у Томоко родилась дочка и ей стало трудно управляться с двумя детьми, она, посоветовавшись с мужем, пригласила золовку, жившую в провинции, в свой токийский дом. Трудно сказать, отчего Ясуэ не вышла замуж. Пусть она не была красавицей, но все-таки и не уродина. К ней несколько раз сватались, но она всем отказывала, так и упустила время. Ясуэ души не чаяла в старшем брате и мечтала жить в Токио, тем более что домашние намеревались выдать ее замуж за какого-то богатого старика из местных. Так что предложение Томоко пришлось по душе.

Золовка умом не блистала, но зато имела ровный и покладистый характер. Она обращалась к Томоко как к старшей, хотя та была гораздо моложе, и вообще относилась к жене брата с подчеркнутым уважением. Со временем ее провинциальный говор стал почти незаметен. Она помогала Томоко по хозяйству, нянчила малышей,

а после того как брат отправил ее на курсы шитья, стала вдобавок и обшивать всю семью. Ясуэ частенько ходила на Гиндзу¹, разглядывала витрины модных магазинов и, завидев платье или костюм нового фасона, тут же срисовывала его в специальный блокнот — продавщицы ей даже несколько раз делали замечания.

Сегодня Ясуэ отправилась на пляж в зеленом купальнике, самом что ни на есть наимоднейшем. Правда, он был не собственного ее производства, а куплен в универмаге. Ясуэ очень гордилась своей белоснежной кожей и не признавала загара, поэтому, едва выйдя из воды, спешила спрятаться под зонт. Детишки строили песчаную крепость, и Ясуэ от нечего делать тоже стала сыпать на свои ослепительно белые ляжки мокрый песок. Песок быстро подсыхал и осыпался, образуя на ногах затейливые темные зигзаги, посверкивавшие осколками ракушек. Вдруг, испугавшись, что грязь не отмоеся, Ясуэ быстро смахнула рукой всю эту красоту. Из горки песка выбралась какая-то полупрозрачная мошка и улетела прочь.

Ясуэ оперлась на локти, раскинула ноги пошире и стала глядеть на море. Над горизонтом громоздились слоистые облака; величественные и неторопливые, они, казалось, поглощали своим суровым сияющим безмолвием и крики, и плеск морских волн.

¹ *Гиндза* — один из центральных кварталов и ведущий фешенебельный торговый район Токио. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Смерть в середине лета

Лето было в разгаре, и в свирепом сиянии солнца чувствовалась чуть не ярость.

Детям надоело возиться в песке. Они побежали по мелководью, поднимая фонтаны брызг. Ясуэ тут же вышла из мечтательного оцепенения, вскочила на ноги и бросилась следом за племянниками. Однако дети не затевали ничего опасного — они и сами побаивались ревущих валов. Каждый раз, когда волна, разбившись, откатывалась обратно, вода на отмелях крутилась маленькими водоворотами. Киё и Кэйко, взявшись за руки, зашли в море по грудь и стояли там, чувствуя, как вода толкает их в спину. Песок медленно уходил из-под ног, было жутковато, и глаза обоих оживленно блестели.

— Будто кто-то за ноги тащит, ага? — сказал Киё.

Ясуэ подошла к детям и предупредила их, чтобы глубже они не заходили. Потом показала на оставшегося в одиночестве маленького Кацуо и поругала старших: как же это они оставили братика одного, пусть вылезает из воды и поиграют с ним. Киё и Кэйко не слушали тетку. У них была общая тайна — оба чувствовали, как песок потихоньку уползает из-под подошв. Брат с сестрой, не разжимая рук, переглянулись и засмеялись.

Стоять на солнце Ясуэ не нравилось. Она опасливо посмотрела на свои плечи, потом на грудь. Белая кожа напомнила ей снега родного края. Ясуэ слегка ущипнула себя повыше лифчика и улыбнулась — кожа была горячей. Тут она заметила, что под длинные ногти попали пес-

чинки, и подумала: вернемся с пляжа, надо будет подстричь.

Когда она подняла глаза, Киё и Кэйко исчезли. Вышли на берег, решила Ясуэ. Однако на песке по-прежнему стоял один Кацуо. Малыш показывал пальцем в море, его личико странно кривилось.

У Ясуэ сжалось сердце. Она обернулась к воде. Волна как раз откатывалась от берега, и впереди, метрах в двух, в бурлящей пене, Ясуэ увидела маленькое смуглое тельце — вода вертела его и тащила прочь. Мелькнуло синее пятно — плавки Киё.

Сердце Ясуэ заколотилось еще сильнее. Молча, с искаженным от ужаса лицом она сделала шаг вперед. В этот миг высокая волна, каким-то чудом до самого берега не растерявшая силу, ударила Ясуэ в грудь и разбилась о песок. Женщина рухнула как подкошенная. С ней случился инфаркт.

Кацуо громко заплакал, к нему подбежал какой-то молодой человек. Потом сразу несколько мужчин бросились в воду. От загорелых тел бегущих во все стороны разлетались брызги.

Двое или трое видели, как Ясуэ упала, однако сначала не придали этому значения, думая, что она сейчас поднимется. Но в подобных случаях охватывает некое предчувствие, и теперь, ничего еще не зная, люди, спешащие на помощь Ясуэ, чувствовали, что дело неладно.

Ясуэ перенесли на берег и уложили на горячий песок. Глаза ее были широко раскрыты,

Смерть в середине лета

зубы крепко стиснуты — казалось, она не отрываясь смотрит на что-то очень страшное. Один из мужчин попытался нащупать пульс. Пульса не было. Кто-то предположил, что женщина в глубоком обмороке. Один из толпы узнал Ясуэ и воскликнул:

— Эта женщина живет в «Эйракусо».

Решили послать за администратором гостиницы. Эта миссия досталась одному из местных мальчишек, и, боясь, как бы его не опередили, подросток понесся по песку к гостинице с невероятной быстротой.

Появился администратор. Это был мужчина лет сорока, в белых шортах и белой же мятой майке, подхваченной широким шерстяным поясом. Администратор заявил, что, прежде чем оказывать помощь пострадавшей, ее нужно перенести в гостиницу. Кто-то пытался возражать, но двое парней уже подхватили тело и потащили его вперед. Там, где лежала Ясуэ, на песке осталась влажная вмятина.

Кацуо, хныча, заковылял следом. Его тут же кто-то поднял и посадил на плечи.

Послеобеденный сон Томоко был прерван. Опытный в обращении с постояльцами администратор легонько тронул ее за плечо.

— А? — спросила Томоко.

— Тут такое дело... Дама, которую зовут Ясуэ-сан...

— Что с ней?

— Ее приводят в чувство. За доктором уже послали.

Томоко вскочила с постели и вместе с администратором поспешно вышла из номера. Ясуэ лежала в углу сада, на траве, рядом с качелями. На ней, оседлав неподвижное тело, восседал голый мужчина — пытался сделать искусственное дыхание. Тут же, в нескольких шагах, была наскоро навалена груда ящиков из-под мандаринов и ворох соломы, еще двое мужчин пытались развести костер. Огонь никак не желал разгораться, только дым валил — ящики и солома не успели просохнуть после вчерашнего ливня. Иногда, когда дым тянулся к лицу лежащей Ясуэ, еще один доброволец отгонял его веером.

От рывков подбородок Ясуэ то поднимался, то опускался, и всем казалось, что она уже дышит. По дочерна загорелой спине спасателя, пятнистой от просеянных сквозь листву лучей, стекали струйки пота. Раскинутые на траве белые ноги Ясуэ были мертвенно-бледными и неестественно толстыми. Ноги оставались равнодушными к отчаянной борьбе, в которой участвовала половина тела.

Томоко опустилась на землю.

— Ясуэ, Ясуэ! — взывала она. Потом, заливаясь слезами, быстро и невнятно запричитала: — Ой, неужели ее не спасут, что же это такое, да что я мужу скажу!

Вдруг Томоко резко обернулась.

— А дети? — спросила она.

Стоящий поблизости немолодой рыбак обнял за плечи испуганно надувшего губки Кацуо.

— Гляди, вон твоя мама.

Увидев сына, Томоко пробормотала:

Смерть в середине лета

— Приглядите за ним, пожалуйста.

Пришел врач и тоже стал делать искусственное дыхание. Костер наконец разгорелся, лицо Томоко покраснелось от жара, и она ни о чем уже не помнила. По лбу Ясуэ полз муравей. Томоко раздавила его пальцем и смахнула. Потом появился еще один — он прополз по колеблюмым ветерком волосам, вскарабкался на ухо. Томоко раздавила и этого. У нее появилось дело — давить муравьев.

Четыре часа продолжались попытки оживить тело. Лишь когда признаки посмертного окончено-ния стали несомненны, врач сдался. Тело накрыли простыней и отнесли на второй этаж. Уже стемнело, и один из добровольных помощников, оставшийся не у дел, взбежал по лестнице и зажег в комнате свет.

Томоко совсем выбилась из сил, ею овладела бездумная, не лишенная приятности апатия. Горя она не чувствовала. Вспомнив о малышах, Томоко спросила:

— А где дети?

— Вроде, в гостиной, с ними Гэнго играет, — ответили ей.

— Все трое там?

— Этого я не знаю...

Люди стали переглядываться. Протиснувшись сквозь них, Томоко сбежала вниз по лестнице. Давешний рыбак, Гэнго, одетый в гостиничный халат, сидел в кресле с Кацуо, на плечи которого была накинута мужская рубашка. Они листали книжку с картинками. Кацуо на картинке не смотрел, он думал о чем-то другом.

Юкио Мисима

Когда Томоко появилась в дверях гостиной, сидевшие там постояльцы, которые уже знали о несчастье с Ясуэ, перестали обмахиваться веерами и обернулись к молодой женщине.

— Где Кэй-тян¹ и Киё-тян?!

Кацуо испуганно смотрел на мать. Всклипнув, он тихо пролепетал:

— Кэй-тян и Киё-тян буль-буль.

Томоко, позабыв даже обуться, побежала на пляж. Сосновые иголки, которыми был усыпан песок в роще, больно кололи ей ноги. Вода поднялась, и теперь, чтобы попасть на пляж, пришлось сначала подняться на скалу, а потом спуститься. Сверху хорошо просматривался весь белый песчаный берег. Один-единственный желтый с белым зонт торчал в песке, Томоко сразу его узнала.

Подошли люди из гостиницы. Томоко потерянно бродила вдоль линии прибоя. Когда ее попытались увести, она раздраженно смахнула чужие руки с плеч:

— Вы что, не понимаете? Здесь где-то двое детей!

Не все присутствующие слышали от Гэнго про пропавших детишек, и эти люди решили, что Томоко от горя не в себе.

Может показаться невероятным, что за четыре часа хлопот над безжизненным телом Ясуэ никто не вспомнил о двух малышах, — ведь по-

¹ *Тян* — уменьшительно-ласкательная частица.

Смерть в середине лета

стояльцы привыкли видеть ребятишек втроем. Поразительно и то, что мать, как бы ни была она потрясена случившимся, не почувствовала опасности, угрожавшей ее маленьким детям.

Но иногда трагическое происшествие создает своего рода психологический водоворот, заставляющий каждого человека в толпе мыслить одним-единственным, наиболее примитивным образом. За пределы этой очевидной траектории выбраться непросто, еще сложнее противопоставить ей свою версию. Поднятая с постели Томоко сразу же, без малейших сомнений, приняла установившуюся точку зрения на случившееся.

Всю ночь на побережье с интервалами в несколько метров горели костры, каждые полчаса мужчины заходили в воду, пытаясь найти утопленников. Томоко не отлучалась с берега ни на минуту. Спать она не могла — слишком велико было возбуждение, да и выспалась она после обеда.

Рассвело. По просьбе полиции в это утро рыбаки не вышли в море закидывать сети.

Из-за крайнего левого мыса взошло солнце. В лицо дохнуло утренним ветром. Сегодняшний восход был для нее страшен. Ей казалось, что с наступлением дня весь ужас происшедшего станет несомненным, трагедия обретет реальность.

— Вам надо отдохнуть, — сказал кто-то из стариков. — Мы разбудим вас, когда найдем их. Положитесь на нас.

— И то верно, — подхватил администратор, его глаза покраснели после бессонной ночи. — Столько несчастий, столько горя — заболете еще. Подумайте о муже.

Томоко страшно было помыслить о предстоящей встрече с мужем. Это все равно что предстать перед судом, думала она. Но, так или иначе, встречи было не избежать. Новая неотвратимая мука неумолимо приближалась и представлялась Томоко еще одним звеном в цепи сваливавшихся на нее несчастий.

Наконец она набралась решимости дать мужу телеграмму. К тому же под этим предлогом можно было уйти с пляжа, а то ей уже начинало казаться, что ныряльщики ждут от нее каких-то особых указаний.

Томоко повернулась было идти, но оглянулась. Море дышало покоем. Рябь на волнах вспыхивала серебристыми бликами. Из воды выпрыгивали рыбешки, будто распираемые безудержной веселостью. Собственное несчастье показалось Томоко страшной несправедливостью.

* * *

Мужу Томоко Масару Икуте было тридцать пять лет. Он окончил институт иностранных языков и еще до войны работал в американской торговой фирме, так что английским владел в совершенстве, на работе его ценили. Человек он был немногословный, но прекрасный работник. Теперь он возглавлял филиал американской

Смерть в середине лета

автомобильной компании. Он разъезжал на принадлежавшем фирме автомобиле (главным образом, для рекламы) и получал в месяц целых 150 тысяч иен. Были у него и кое-какие побочные доходы, так что Масару без труда содержал семью, включавшую кроме жены, сестры и троих детей еще и горничную. Не было никакой экономической необходимости сокращать это семейство разом на три рта.

Томоко предпочла телефону телеграф, потому что боялась разговора с мужем. Получив телеграмму, служащая токийского почтового отделения, как это делается обычно, позвонила по телефону адресату. Масару Икута как раз собирался на работу. Услышав звонок, он подумал, что это из фирмы, и, не ожидая ничего дурного, снял трубку.

— Срочная телеграмма из А., — услышал он женский голос, и сразу тревожно защемило сердце. — Читайте. Слушаете? «Ясуэ умерла. Точка. Киё и Кэйко пропали. Точка. Томоко».

— Прочтите снова, пожалуйста.

Во второй раз телеграмма звучала точно так же. «Ясуэ умерла. Киё и Кэйко пропали». Масару ощутил прилив злобы. Словно вдруг, ни с того ни с сего, ему вручили уведомление об увольнении. Он положил трубку, в груди все клокотало от обиды.

Пора было садиться в машину и ехать в фирму. Масару тут же позвонил и предупредил, что его не будет. Сначала он хотел поехать до А. на своей машине, но потом решил, что вряд ли